

Статья:

Байнев, В.Ф. Неоколониальный проект Запада и роль монетарных факторов управляемого экономического кризиса в его реализации / В.Ф. Байнев // Новая экономика. – 2006. – №7-8. – С. 3-22.

НЕОКОЛОНИАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ ЗАПАДА И РОЛЬ МОНЕТАРНЫХ ФАКТОРОВ УПРАВЛЯЕМОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА В ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

Байнёв Валерий Федорович, д-р экон. наук, профессор кафедры менеджмента
Белорусского государственного университета (г. Минск)

Нет более точного и верного способа переворота существующих основ общества, нежели подрыв его денежной системы. Этот процесс пробуждает все разрушительные системы, скрытые в экономических законах, а сама болезнь протекает так, что диагноз не может поставить ни один из многих миллионов человек.

Дж. М. Кейнс

Большие деньги делают историю.

Дж. Сорос

Стоит ли в очередной раз доказывать сегодня ставшую вполне очевидной истину об исключительной значимости монетарной сферы для эффективного, бескризисного, устойчивого функционирования национальной экономики и просто для полноценной повседневной жизнедеятельности общества? Следует признать, что в современной экономике деньги, монетарная система страны – это уже не просто социально-экономический феномен, призванный выполнять ряд описанных в любом учебнике специальных функций и на протяжении веков вызывавший стойкий научный интерес ученых-исследователей. Английский политик У. Гладстон по этому поводу в свое время весьма остроумно пошутил, сказав, что «даже любовь не свела с ума такого большого числа людей, как мудрствование по поводу сущности денег». Очевидно, что в наши дни монетарная система любой страны – это важнейший институт, оказывающий определяющее воздействие на национальную экономику и все без исключения другие стороны человеческого бытия. Именно поэтому монетарная сфера являет собой важнейший «стратегический объект», требующий не меньшего патронажа и защиты со стороны государства, чем, например, национальная система противоракетной обороны или ядерного сдерживания. Для иллюстрации этого тезиса можно вспомнить, например, о том, как вождь победившего пролетариата В. И. Ленин призывал своих сторонников к революционному захвату, прежде всего, стратегически значимых объектов, в перечне которых одними из первых значились банки. Понимание важности денежной системы следует также и из смысла приведенных выше эпитафий, в одном из которых Дж. М. Кейнс по сути дела отождествляет кризис денежной системы страны с разрушительным действием оружия массового поражения...

Что интересно, в этом полностью согласны с классиками и многие современные отечественные экономисты. Так, идея безусловного примата монетарной сферы в национальной и мировой экономике «красной нитью» проходит через многие выступления и статьи крупного белорусского ученого, специалиста в области производственной и банковско-финансовой деятельности профессора С. А. Пелиха [3, с. 105; 7, с. 33–48; 8, с. 11–17]. Однозначно подтверждает эту точку зрения и другой известный белорусский ученый-финансист профессор В. И. Тарасов. В частности, в своей книге «Деньги, кредит, банки» он отмечает, что государство, «...используя различные денежно-кредитные инструменты, может влиять на все параметры национальной экономики... Игнорирование же данного обстоятельства приводило и приводит к самым тяжелым последствиям для экономики государств с любым общественным устройством» [20, с. 3].

Учитывая, что большинство развивающихся и переходных к рынку стран на протяжении десятилетий демонстрируют глубокие и весьма масштабные социально-экономические кризисы, в данной статье мы попытаемся раскрыть роль монетарных факторов в их преднамеренной организации. Более того, мы попытаемся доказать, что и сегодня эти факторы весьма умело используются для поддержания перманентных кризисных процессов в большинстве переходных к рынку стран, что всецело соответствует интересам наших конкурентов, стремящихся любой ценой сохранить неожиданно «свалившееся» на них (в связи с распадом СССР) мировое господство.

К сожалению, приходится признать, что человечество вступило в третье тысячелетие в условиях беспрецедентного обострения конкуренции народов, стран и их блоков за рынки сбыта и ограниченные, быстро истощающиеся природные ресурсы. При этом особую угрозу устойчивому развитию цивилизации представляет объективное и неизбежное перерастание указанной конкуренции в вооруженную борьбу, поскольку «освободительно-демократические» войны последнего времени (ирако-кувейтская, американо-иракская, чеченская и т. д.) чаще всего ведутся вокруг нефтяных вышек и явно имеют углеводородный «запах». Совершенно очевидно, что в условиях стремительного истощения недр в технологически развитых странах объектами их внешней экспансии рано или поздно должны стать и уже стали постсоветские страны. Так, в выпущенном МВФ в 1991 г. документе «Исследования советской экономики» предельно четко обозначены стратегические интересы и истинные цели активности «просвещенного» Запада в данном регионе: «СССР (нынешние постсоветские страны – В. Б.) обладает богатейшими энергетическими ресурсами; согласно оценкам западных специалистов, ресурсы энергии в СССР включают 58 млрд баррелей сырой нефти, 52 трлн кубометров природного газа ... это крупнейшие ресурсы газа в мире...» (цит. по: [15, с. 464]). Учитывая наличие в регионе других полезных ископаемых, можно констатировать, что регион СНГ – это огромная кладовая природных богатств, которые еще только предстоит освоить и использовать. Нет никаких сомнений в том, что очень скоро эти запасы станут объектом очень жестокой международной конкуренции, поскольку современная цивилизация уверенно вступает в эпоху «диктатуры лимитов Природы» и, прежде всего, «диктатуры лимитов энергоресурсов» (терминология А. И. Субетто). Не пролетариат, а ее величество Природа обречена стать могильщиком современного капитализма и базирующейся на нем рыночно-эгоистичной западной цивилизации, ориентированной исключительно на удовлетворение безгранично увеличивающихся потребностей ее «золотых» представителей в то время, когда уже давно пора бы начать ограничивать их быстро растущие аппетиты...

Из теории рыночного капитализма, безоговорочно доминирующей на планете с конца прошлого столетия, хорошо известно, что главной целью конкурентной борьбы, в конечном счете, является победа над конкурентами в форме их уничтожения или поглощения. Поэтому нет ничего особенного в том, что в условиях глобализации (распространения рыночно-капиталистических принципов хозяйствования на весь мир), когда в качестве конкурентов выступают уже страны и их блоки, глобальная конкуренция связана с разрушением (СССР, Югославия) или поглощением в форме неокolonизации (Ирак, Афганистан) целых стран. Поскольку морально-этические факторы (совесть, честь, сострадание и т. д.) не являются экономическими категориями и в теории рыночного капитализма не изучаются, то глобальная конкуренция может вестись и ведется в любых, не стесненных правилами приличия формах. Двойные стандарты, промышленный шпионаж, подрывная деятельность через активное финансирование «пятой колонны», рыночная идеологическая агрессия, прямая военная оккупация стран «второго» и «третьего» мира – вот далеко неполный перечень средств, которыми активно пользуются лидеры мировой экономики для сохранения своего лидирующего положения и упрочения глобального господства.

К сожалению, приходится признать, что у новых планетарных гегемонов, имеющих сегодня колоссальные финансовые возможности и огромную военную мощь, нет иного выхода. Западная рыночно-потребительская цивилизация, экономическая «эффективность» которой основана на том, что 20% ее населения обеспечили себе высочайший уровень потребления за счет расхо-

дования 80% всех добываемых человечеством природных ресурсов, просто вынуждена прибегать к внешней экспансии для поддержания привычно высоких стандартов своего уровня жизни в условиях быстрого истощения собственных запасов природных ресурсов. При этом *важнейшим инструментом этой экспансии является рыночно-капиталистическая идеология*, распространение которой в развивающихся и переходных странах равносильно их уничтожению (СССР) или неокolonизации (Россия) «просвещенным» Западом в полном соответствии с вышеизложенными правилами глобальной конкурентной борьбы.

И действительно, о каких рыночных отношениях может всерьез идти речь в условиях, когда, например, сегодня у нескольких участников «рынка» миллиарды и триллионы долларов (в придачу к авианосцам и крылатым ракетам), а у большинства – только обесценивающиеся национальные валюты и долги? Следовательно, в условиях, когда отдельные западные транснациональные корпорации (ТНК) и банки (ТНБ) по своим финансовым возможностям в десятки раз превосходят ВВП абсолютного большинства стран мира (например, в 2004 г. компания «General Motors» создала продукции на сумму 193 млрд USD, что в 7 раз больше ВВП Беларуси!), распространение рыночно-капиталистической идеологии в этих странах ведет к их неизбежной неокolonизации и порабощению «золотым миллиардом».

По нашему глубокому убеждению, *сегодня речь должна идти не о демократии, рынке и рыночной конкуренции, а о глобальной капиталократии, рыночном тоталитаризме и планетарной диктатуре денег*. И действительно, по оценкам весьма авторитетных ученых, сегодня 1% населения Земли контролирует 99% всего богатства мира, причем на долю всего лишь 258 (!) долларовых миллиардеров приходится почти 50% его [19, с. 15]. Мы же по-прежнему, словно хорошо заученную молитву, твердим своим студентам на лекциях о таких рыночных рудиментах, как рынок, его «невидимая рука», конкуренция, живительная сила малого, милли- и микробизнеса... Очевидно, что сегодня, в условиях тотального господства и монополии в мировой экономике нескольких западных мегакорпораций, в учебных заведениях планеты давно пора начать всерьез изучать *не рыночно-конкурентную, а директивно-плановую, управляемую интернациональной олигархией из планетарного финансового центра экономику*...

К сожалению, безоговорочное господство на планете рыночного капитализма (глобальная капиталократия) привело человечество к беспрецедентной экономической дифференциации жителей Земли, которая год от года лишь усиливается благодаря тому, что в полном соответствии с законами рыночного капитализма богатые (люди, страны) становятся еще богаче за счет стремительно нищающих бедных. Согласно утверждениям «Монд дипломатик», «всеобщая торговля вещами и словами, душой и телом, природой и культурой (то есть рыночная система. – В. Б.) ведет к углублению неравенства. В то время как мировое производство сельскохозяйственной продукции составляет 110% потребностей человечества, ежегодно от голода умирают 30 млн человек, более 80 млн недоедают. В 1960 г. доход 20% наиболее состоятельных людей планеты был в 30 раз выше, чем у 20% самых бедных. Сегодня он в 82 раза больше! Из 6 млрд землян 500 млн живут в достатке, остальные 5,5 млрд – в нехватке. Мир перевернулся с ног на голову...» (цит по [1, с. 61]).

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что в полном соответствии с теорией рыночного капитализма и принципами конкурентной борьбы кризис или даже крах одних участников глобального рынка вполне может стать источником обогащения других его субъектов. Иными словами, *управляемый социально-экономический кризис в странах, избравших рыночный путь развития в условиях тотального господства в мировой экономике западных ТНК и ТНБ, может стать (и уже стал) весьма и весьма эффективным бизнесом для стран «золотого миллиарда»*. Сегодня лидеры мировой экономики, действуя через щедро финансируемую ими «пятую колонну», так управляют рыночными реформами в переходных странах, что затяжные экономические кризисы последних превратились в щедрые источники ресурсов для стран мировой экономической элиты. По оценкам специалистов, из одной только России в период ее активного «рыночного оздоровления» на Запад в форме прямого бегства капиталов, утечки мозгов, экспорта сырья и энергоресурсов по явно заниженным ценам и т. п.

было выведено не менее 800 млрд USD, из которых 70 % достались США [15, с. 485–486]. По другим оценкам масштабы потерь Русского народа достигают 1,2–1,5 трлн USD.

И только возросшие в разы добыча и массивированная продажа за рубеж *объективно ограниченных* сырьевых ресурсов позволили многострадальному населению переходных к рынку стран перейти от ставшего в середине 90-х годов откровенно невыносимого, нищенского, сопровождающегося хроническими невыплатами зарплаты существования к относительно достойному уровню жизни 60–70-х гг. «застойного» периода. Кстати, это «достижение» сегодня уже преподносится либерал-реформаторами как чудесное рыночное исцеление экономики (вот уж воистину, хочешь сделать человека счастливым, заведи у него все, а потом верни половину!). И действительно, Россия, например, наконец-то обогнав в упорном соревновании Саудовскую Аравию по добыче и экспорту нефти, вышла на первое место в мире по этому «почетному» для информационно-технологической экономики показателю, что дало россиянам и другим братским народам временную (до неумолимо надвигающегося истощения недр) передышку. Чего стоят одни только планы руководства России превратить страну в «энергетическую сверхдержаву» – не в технологическую, индустриальную, космическую, научно-технологическую и т. д., а именно в энергетическую, сырьевую по сути, нацеленную на быстрое «проедание» ресурсов и истощение недр экономику.

Анализируя причины беспрецедентного по масштабам, глубине проявления и продолжительности системного трансформационного кризиса (рыночного разгрома) национальных экономик стран бывшего СССР, тяжелейшие последствия которого сопоставимы разве что с ущербом от Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., опираясь на мнения авторитетных ученых, чьи имена приведены выше, можно предположить, что *главная причина преследующих наши страны вот уже два-три десятилетия неудач не в последнюю очередь связана с фундаментальными дефектами функционирования именно монетарной сферы и откровенными провалами в денежно-кредитной политике большинства стран региона, включая и сам бывший СССР*. С учетом отмеченной выше системности влияния монетарной сферы на национальную экономику это предположение представляется отнюдь не беспочвенным, поскольку указанный трансформационный кризис оказался столь масштабным и разрушительным, что поразил буквально все сферы жизнедеятельности общества.

И действительно, вот только некоторые статистические итоги «рыночного оздоровления» подавляющего большинства стран СНГ [2, с. 195–199; 21, с. 31, 33, 177–184, 677]:

- полутора – двукратный спад ВВП и особенно объемов промышленного производства;
- снижение в 2–11 раз наукоемкости ВВП, катастрофический износ производственных мощностей из-за 3–5-кратного сокращения объемов инвестирования в экономику и, как следствие, тенденция к ее деиндустриализации и примитивизации;
- падение в 2–3 раза реальных доходов и уровня жизни населения, его стремительная деградация;
- чудовищная, унижительная для человеческого достоинства, экономическая дифференциация населения всех без исключения движущихся к рынку стран;
- снижение рождаемости, рост смертности и, как следствие, быстрая депопуляция населения некоторых переходных к рынку стран, прежде всего, восточнославянских – России, Беларуси и Украины;
- масштабное бегство за рубеж мозгов, капиталов на фоне возросшей в разы долговой кабалы перед западными странами;
- многократный (в десятки раз) рост уровней преступности, наркомании и терроризма;
- миллионы наших соотечественников (русских, малороссов и белорусов), оставшихся за пределами восточнославянских стран и испытывающих явное ущемление прав и даже гонения со стороны новых демократий, прежде всего, стран Балтии и Азии;
- локальные, но весьма кровопролитные и затяжные вооруженные конфликты и т. д.

В частности, для России столь долгожданное признание ее в 2003 г. рыночной страной сопровождалось тем, что она «...по уровню производства, объему ВВП, производительности труда, продолжительности жизни и многим другим показателям переведена ООН из категории раз-

витых в число среднеразвитых стран современного мира» [12, с. 32]. Принимая во внимание, что на Западе при анализе тех или иных процессов весьма распространены интегральные показатели, для оценки качества наших рыночных реформ обратимся к одному из наиболее известных – индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП). Согласно сведениям, опубликованным Евразийским международным научно-аналитическим журналом, СССР по ИРЧП не намного уступал США – если в СССР его величина составляла 0,920 (26 место в мире), то в США – 0,961 (19 место) [6, с. 65]. За годы «рыночного оздоровления» этот разрыв увеличился почти в десять раз, поскольку нынешняя, ставшая рыночной Россия по ИРЧП занимает лишь 60 место. И все это произошло на фоне беспрецедентного обогащения нескольких западных держав, в итоге превратившихся в новых планетарных гегемонов.

Кстати, в западных державах в последнее время даже и не скрывают истинного смысла рыночных реформ, инициированных ими в странах, еще совсем недавно составлявших «первому» миру достойную конкуренцию (например, СССР объективно имел второй в мире ВВП и активно соперничал с самими США по ряду направлений науки и техники). В частности, характеризуя роль «просвещенного» Запада в организации управляемой извне экономической катастрофы своих в недалеком прошлом весьма могущественных конкурентов, лауреат Нобелевской премии американский профессор Дж. Тобин дипломатично, но, тем не менее, достаточно откровенно пишет: «Профессиональные западные советники по вопросам управления переходом посткоммунистических государств к рыночному капитализму – экономисты, финансисты, руководители бизнеса, политики – способствовали появлению ложных ожиданий... Советы давались в одном направлении: демонтируйте инструменты контроля и регулирования, приватизируйте предприятия, стабилизируйте (методами либерального монетаризма – В. Б.) финансы, уберите с дороги правительства и наблюдайте, как рыночная экономика вырастет из пепла. Оказалось, что все не так просто... Вера в оптимальность саморегулирующихся рыночных механизмов отличает структуры, которые развитый мир *навязывает* развивающимся странам и странам с переходной экономикой» (цит. по: [9, с. 95]). Еще определеннее высказался высокопоставленный американский политик Г. Киссинджер, заявив следующее: «Я предпочту в России хаос и гражданскую войну тенденции воссоединения ее в единое, крепкое, централизованное государство» (цит. по: [15, с. 434]).

И, наконец, предельно четко отношение к восточнославянской цивилизации ее западных «друзей» (вспомните, «друг Коль», «друг Билл») выражено в директиве Совета национальной безопасности США №20/1 от 18.08.1948 г. «Цели США в войне против России», которая исчерпывающе объясняет многие кризисные процессы, обрушившиеся «вдруг» на многострадальное население бывшего СССР в связи с переходом от социалистического «застоя» к рыночно-капиталистическому «взлету». Вот только некоторые выдержки из этого эпохального документа: «... Мы бросим все, что имеем, – все золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей... Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти ценности поверить. Мы найдем своих *единомышленников в самой России* (выделено мной – В. Б.). Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания.

Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением, исследованием тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино – все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства... Мы будем всячески поддерживать и подымать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства – словом, всякой безнравственности...

В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и на-

глость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство... национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу – все это мы будем ловко и незаметно культивировать...

И лишь немногие, очень немногие будут догадываться и даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества. Будем вырывать духовные корни, опошлять и уничтожать основы духовной нравственности. Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением. Будем браться за людей с детских, юношеских лет, главную ставку делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов» (цит. по: [2, с. 31–32]).

К сожалению, приходится признать, что указанный план по организации управляемого социально-экономического кризиса на постсоветском пространстве успешно выполняется, главным образом благодаря колоссальным совместным усилиям (прежде всего, финансовым) грандов мировой экономики и нашей «пятой колонны». И причиной тому является не просто беспощадная глобальная конкуренция, о которой говорилось выше. Дело, на наш взгляд, еще и в зоологической ненависти Запада к восточнославянской цивилизации, которая в XX веке посмела предложить человечеству принципиально новую модель социально-экономического развития, основанную не на безжалостной рыночно-капиталистической эксплуатации, а на уважении к труду, человеческому достоинству и социальной справедливости. Эта модель, кстати, еще совсем недавно позволяла нам иметь второй в мире ВВП и почти на равных конкурировать с самими «божественными» США хотя бы по отдельным направлениям научно-технического прогресса. Кроме того, «цивилизованный» Запад вряд ли когда-нибудь простит нам его унижительного позора перед Гитлером, походя одолевшим всю цивилизованно-демократическую Европу, а также последовавшего вслед за этим ее триумфального освобождения нашими отцами и дедом. Наша Великая Победа, вне всяких сомнений, свидетельствует об огромном экономическом и духовно-нравственном превосходстве восточнославянской цивилизации. «Просвещенный» Запад чувствует это колоссальное превосходство и прекрасно знает, что если потребуется, мы вновь сможем его убедительно продемонстрировать. В этом, на наш взгляд, генетические корни той славянофобии, которую демонстрировала и продолжает демонстрировать нынешняя мировая элита, разрушая СССР и «добывая» Югославию, финансируя чеченских боевиков и «революционеров» команды Ющенко и Саакашвили, одобряя притеснения русских и публичные марши фашистов в некоторых новых странах Евросоюза, поощряя «пятую колонну» в переходных к рынку странах и устраивая постоянные «выволочки» России и Беларуси за их желание жить не по указке, а по собственному разумению, настойчиво обкладывая нас военными базами...

Итак, рыночно-идеологическая агрессия, как одна из форм неокolonизации «золотым миллиардом» остальной части человечества, уже обеспечила условия для возникновения на Земле тоталитаризма принципиально нового типа, глобального, планетарного по своим масштабам. Во многих переходных странах сегодня растет осознание того, что причиной управляемого экономического кризиса в них является принятая (разумеется, не без участия финансируемой Западом «пятой колонны») стратегия рыночных реформ, методологической основой которой послужил скудный и упрощенный теоретический багаж – *неоклассическая экономическая теория* (неоклассический, а теперь и неоинституциональный «мейнстрим»). Сегодня уже многим вполне очевидно, что данный образчик экономического знания, метко названный «примитивной шпаргалкой» (В. Леонтьев), «выкидышем экономической теории» (В. Ельмеев), «экономической теорией классной доски» (Р. Коуз), *представляет собой вовсе не науку или образовательную дисциплину, а идеологию интернациональной олигархии, нацеленную на неокolonизацию всего мира*. При этом с учетом всего вышеизложенного можно утверждать, что наибольший вред переходным к рынку странам (и соответственно пользу их конкурентам) нанесли и продолжают наносить просчеты и ошибки в монетарной сфере, бюджетной и кредитно-денежной политике.

Как известно, теоретической основой либерально-рыночных реформ в монетарной сфере большинства переходных к рынку стран до сих пор является радикальное направление неоклассического «мейнстрима» – *монетаристская теория*, до предела минимизирующая роль государства в экономике и сводящая ее к манипулированию денежной массой посредством регулирования эмиссии, налогов и процента. В связи с этим в данной статье хотелось бы проанализировать те катастрофические последствия, к которым неизбежно ведет регулирование экономики на основе монетаристской теории, рекомендованной в качестве теоретического базиса реформ нашими заокеанскими «друзьями» в рамках Вашингтонского консенсуса (1989).

Как известно, важной составной частью рекомендаций Вашингтонского консенсуса является требование неумолимой борьбы с главным «врагом народа» – инфляцией. Данное условие столь гипертрофировано, что на примере некоторых стран (например, России) складывается впечатление, будто не экономический рост и повышение благосостояния населения, а именно подавление инфляции любой ценой является целевым критерием развития национальной экономики. Поскольку согласно монетаристской теории государство в условиях либерально-рыночной экономики может пользоваться только монетарными факторами ее регулирования, то борьба с инфляцией, по замыслу западных идеологов наших рыночных реформ, неизбежно сведется к ограничению эмиссии и сжатию денежной массы. В итоге под теоретическим прикрытием либерального монетаризма и благовидным лозунгом борьбы с инфляцией в предназначенной «на заклятие» переходной экономике стараниями «пятой колонны» создается элементарный дефицит денег. Об усердии «пятой колонны» в этом деле красноречиво свидетельствует, например, тот факт, что коэффициент монетизации (отношение количества денег в экономике – агрегата М2 к ВВП) в большинстве переходных экономик не только многократно ниже, чем в развитых или пользующихся благосклонностью мировой элиты развивающихся странах, но и в 2–5 раз меньше теоретически допустимого минимума (порога безопасности). Так, если оптимальным считается коэффициент монетизации экономики около 100%, а критическим – 30%, то в России, например, сегодня он заметно ниже критического, а в ключевые периоды рыночных реформ середины 90-х годов прошлого века он был более чем вдвое ниже порога безопасности (табл.). В итоге, по оценкам ряда российских ученых, благодаря усердию либерал-реформаторов, коэффициент монетизации российской экономики оказался одним из самых низких в мире [21, с. 72, 102]. Для сравнения, в СССР он составлял 85%, в Англии он соответствует 94%, Японии – более 100%, США – 110%, Италии и Германии – 57–62%, Китае – 150%.

Таблица

Коэффициент монетизации экономики России в период рыночных реформ

Годы	1991	1992	1995	1996	1999	2003	2004
Коэффициент монетизации, %	70,0	37,9	13,3	15,3	20,8	24,1	27,3

Источник: [16, с. 306].

Искусственно созданный дефицит денег в переходной к рынку стране целенаправленно приводит к ряду крайне негативных последствий, которые, тем не менее, оборачиваются колоссальным выигрышем для стран мировой экономической элиты и, прежде всего, мировой финансовой олигархии.

Во-первых, банальный *дефицит национальных денежных знаков неизбежно порождает евродолларизацию экономики*, которая парализует способность правительства переходной к рынку страны реализовывать самостоятельную кредитно-денежную политику и тем самым подготавливает ее к внешнему управлению (неоколонизации). Масштабная евродолларизация страны означает, что ее население предоставило странам – эмитентам мировых денег беспроцентный товарный кредит и при этом ежегодно выплачивает им инфляционный налог (так называемый сеньораж) в размере 3–5% и более. В свое время одна из крупнейших американских газет по данному поводу откровенно ликовала, утверждая следующее: «Великое долларовое наступление на Советский Союз успешно развивается. 30 тысяч ядерных боеголовок и оснащенная по последнему слову техники самая большая армия в мире оказались не в состоянии прикрыть территорию своей страны от всепроникающего доллара, который уже наполовину уничтожил

русскую промышленность и разъял советское общество» (см.: Christian Science Monitor. 15.08.1989 г.).

Во-вторых, как и любой другой дефицит, *нехватка денег неизбежно порождает спекуляцию ими, сводящуюся к беспрецедентному росту стоимости кредитных ресурсов и снижению их доступности для реального сектора экономики*. Иными словами, банковская система переходной к рынку страны, до предела взвинтив процентные ставки по кредитам, превращается в откровенно спекулятивный (транзакционный) сектор экономики, не стимулирующий, а тормозящий ее развитие. И действительно, в условиях, когда средний уровень рентабельности предприятий реального сектора экономики в несколько раз ниже банковской процентной ставки, кредиты становятся недоступными для предприятий. В итоге, реальный сектор экономики, не имея доступа к финансовым средствам для целей модернизации производства, теряет свою конкурентоспособность и разрушается, а национальные рынки неизбежно заполняются продукцией западных ТНК, расширяющих свой сбыт и увеличивающих экономическое могущество в рамках неокOLONиального проекта Запада.

Превращение банковской системы в откровенно спекулятивный сектор национальной экономики окончательно подорвало доверие населения к курсу рыночно-капиталистических реформ. Иначе и быть не могло, поскольку, согласно мнению Дж. М. Кейнса, «превращение предпринимателя в спекулянта – это удар по капитализму, ибо оно разрушает то психологическое равновесие, благодаря которому возможно существование неравенства доходов. Учение политической экономии о средней норме прибыли, которое в общем понятно для каждого, является необходимой предпосылкой для оправдания капитализма. Дельца переносят лишь постольку, поскольку его доходы стоят в некотором соответствии с содеянным им для благосостояния общества» [11, с. 100]. В постсоветских же странах термины «предприниматель», «бизнесмен», «банкир» зачастую используются как синонимы ругательно-обличительно-презрительным словам «новый русский», «новый белорус» и т. п.

Параллельно с этим уничтожение сознательно отсеченных от финансовых ресурсов отечественных предприятий высвобождает сырьевые ресурсы для их масштабного экспорта на Запад, что вполне соответствует его целям. По этому поводу экономический советник английского парламента Д. Росс в своем докладе «Российская экономика в тупике» прямо указывал: «Необходимым механизмом для резкого увеличения экспорта энергоносителей и металлов являлся *быстрый спад промышленного производства*, поскольку иначе не освободилось бы сырье для экспорта» (цит. по: [15, с. 464]). Для этого, согласно планам МВФ, общий объем производства только за первый год рыночных реформ по рецептам Вашингтонского консенсуса должен был сократиться на 10 %, а объем промышленного производства – на 20 %. В действительности же за 1992 г. во многом благодаря усердию «пятой колонны» ВВП России упал на 20 %, а объем промышленного производства сократился на 19 % [15, с. 465].

И еще одно очень важное обстоятельство. В условиях отсутствия финансовых средств у населения, предусмотрительно лишеного в 1991 г. даже своих мизерных накоплений за советский период, учредителями банковских организаций могли стать исключительно связанные с интернациональной олигархией и профинансированные ею (назначенные) лица. Нередко имея двойное гражданство и связывая свое будущее с западными странами, такие учредители-«инвесторы» (проще говоря, «пятая колонна»), используя могучие рычаги банковской системы, по заданию своих хозяев организовали массовую «выкачку» финансовых ресурсов из предприятий и многострадального населения переходных к рынку стран и дальнейшую «перекачку» в те державы, где по их планам они должны обеспечить себе безбедную старость, а также безблачное детство своих детей и внуков. «Беда в том, – характеризует данную проблему главный редактор российского журнала «Экономист» проф. П. Игнатовский, – что сегодня банковский кредит превращается в каналы выкачки средств из производства и их вывоза в зарубежные страны» [18, с. 8].

Согласен с данной точкой зрения и другой крупный, уже белорусский, ученый проф. С. Пелих, считающий, что «...применив монетаристскую теорию, мы обескровили наших товаропроизводителей, изъяв у них оборотные средства и перекачав их в «локомотив экономики»,

которым якобы является банковский сектор» [17, с. 362]. Иными словами, создаваемая в реальном секторе добавленная стоимость будет целенаправленно трансформироваться в прибыль «локомотивов экономики», а затем эшелонами поедет на Запад для приобретения футбольных клубов, яхт, персональных авиалайнеров, замков и прочих баснословно дорогих приобретений, что, впрочем, уже давно наблюдается в некоторых переходных странах. Таким образом, реализация монетаристской теории в переходных к рынку странах обеспечивает Западу идеальные условия для захвата их национальных рынков, а также для «выкачивания» из них сырья, капиталов, мозгов...

В-третьих, *искусственное сжатие денежной массы существенно снижает инновационную активность* как отечественных предприятий, так и национальной экономики в целом. Об обвальном снижении наукоемкости ВВП стран СНГ, рыночном разгроме их научно-технической и инновационной сферы, закономерном вытеснении наших стран с рынков высокотехнологичной и наукоемкой продукции мы уже подробно писали на страницах журнала [4]. Дело в том, что в условиях физического дефицита финансовых средств согласно общеизвестной формуле количественной теории денег функционирование экономики возможно лишь за счет увеличения скорости их обращения. Иными словами денежная масса в условиях ее дефицита «выдавливается» в те сферы национальной экономики, которые характеризуются высокой оборачиваемостью денежных ресурсов.

Не секрет, что наивысшая оборачиваемость финансового капитала, достигающая 10–20 оборотов в год, наблюдается в спекулятивной сфере «купи-продай», а наименьшая – 1 оборот за 5–10 лет – в инновационном секторе экономики, связанном с осуществлением долгосрочных НИР и НИОКР, их внедрением в производство в виде инноваций. В итоге, «выдавливание» искусственно ограниченной денежной массы в те сферы, где их оборачиваемость максимальна, приводит к катастрофической нехватке ресурсов в инновационном секторе экономики, что резко снижает инновационную активность экономических систем всех уровней.

Кроме того, от нехватки средств «задыхается» и реальный сектор экономики, где оборачиваемость финансовых ресурсов также в несколько раз ниже, нежели в спекулятивном секторе экономики. В конечном счете, инновационный и реальный секторы экономики быстро теряют свою конкурентоспособность, разрушаются, а стимулированный притоком денег бизнес «купи-продай» заполняет отечественные рынки западным ширпотребом и пищевыми суррогатами типа «ножеч Буша». О масштабности проблем данного вида свидетельствуют сведения о том, что в России, по официальным данным, 98 % банковских капиталов вкладываются не в промышленность, а в краткосрочные торговые кредиты, чаще всего на срок лишь до месяца [15, с. 460]. При этом упование на иностранные инвестиции настолько наивно, насколько и бесполезно, потому что если они и придут (что весьма сомнительно), то лишь в те же сферы с быстрой окупаемостью или же в сырьевой сектор. Напомним, что в соответствии с вышеизложенными принципами глобальной конкуренции в планы Запада входит захват рынков сбыта и доступ к источникам сырья переходных стран, а отнюдь не оказание помощи своим конкурентам в организации их научно-технологического и инновационного прорыва.

В-четвертых, *искусственный дефицит денег неизбежно порождает кризис неплатежей и нескончаемую череду банкротств*. Не из-за низкой эффективности работы, а по причине элементарной физической нехватки денежной массы банкротятся тысячи рентабельных предприятий, поскольку из-за взаимных неплатежей им нечем платить зарплату, осуществлять платежи за взятые кредиты, потребленные ресурсы, энергию, тепло... Вереница банкротств связана не просто с уничтожением многих предприятий, теоретически способных оказать конкуренцию западным ТНК, но и с очередным полукриминальным переделом собственности. Действительно, предприятие-банкрот стоит в десятки раз дешевле, чем эффективно работающий объект, и потому его можно по дешевке купить, а если надо, то и остановить. Разумеется, покупателями таких «кризисных» объектов опять-таки станут назначенные мировой финансовой олигархией национальные «инвесторы», которые изначально будут запрограммированы на разрушение промышленного потенциала стран-конкурентов, на вывоз сырья, на «выкачку» из страны финансов через зарубежные оффшоры и т. д. При кажущейся, на первый взгляд, гипотетичности

описанной ситуации в России во время действия Закона о банкротстве образца 1998 г. (кстати, названного специалистами журнала «Эксперт» самым взяточным законом за всю историю этой страны) до 80 % банкротств носили «заказной», полукриминальный характер. По свидетельству некоторых российских и даже американских специалистов на эти цели, а также для прямой финансовой подпитки криминала американское правительство только в 1994–1996 гг. официально санкционировало отправку в Россию не менее 40 млрд USD, что заметно превысило стоимость всех российских рублей, находившихся в обращении [15, с. 445–448].

Наряду с недопустимо низким коэффициентом монетизации экономики другим крайне негативным аспектом функционирования монетарной сферы переходных к рынку стран является *искусственно заниженный курс национальной валюты по отношению к мировым валютам*. В частности, один из теоретических вдохновителей шведской социально-экономической модели Г. Кассель в качестве основной проблемы переходной экономики выделяет задачу поддержания оптимального валютного курса. По данному поводу он пишет: «Паритеты покупательной силы представляют собой истинное равновесие валют и поэтому большая практическая ценность заключается в том, чтобы знать эти паритеты. На самом деле, это к ним мы должны обращаться в том случае, если желаем получить представление о действительной ценности валют, курсы которых подвержены произвольным и часто диким колебаниям...» [10, с. 24]. И далее он продолжает: «Но в действительной жизни такое восстановление равновесия могло бы занять продолжительное время, в особенности, если силы, понижающие валюту, могущественны и работают постоянно. И это время может оказаться разрушительным для промышленности и торговли стран. Вообще страна, валюта которой недооценена, рассматривается как *страдающая*, и трудности ее положения ясны каждому» [10, с. 28].

Сегодня очень многие специалисты убеждены, что в процессе действия «стихийных» рыночных сил курсы национальных валют целого ряда стран СНГ оказались *искусственно заниженными по отношению к доллару*. Например, по мнению академика РАН В. Маевского, «в настоящее время рыночный курс российского рубля недооценен относительно паритета покупательной способности примерно в 3 раза» [13, с. 6], а по мнению некоторых других ученых, этот курс занижен вообще в 4–5 раз. Сложилась драматичная ситуация точь-в-точь, как в одном известном литературном произведении: «... западный человек сразу решил: теперь самое время объявить цену рублю – двугривенный» (М. Салтыков-Щедрин, «За рубежом»).

Занижение реального курса национальных валют переходных к рынку стран произошло по целому ряду причин. Прежде всего, их искусственное обесценение связано с колоссальным оттоком ресурсов, обусловленным массивной продажей сырья и топливно-энергетических ресурсов за рубеж по заниженным в разы ценам, а также масштабной приватизацией наиболее эффективных национальных активов иностранными «инвесторами» за 2–5 % их реальной стоимости. Что касается криминальной приватизации в странах бывшего СССР, не только метко характеризуемой в народе не иначе, как «прихватизация», но даже и на Западе именуемой «пиратизацией», то она полностью проходила в соответствии с секретной программой содействия приватизации в СССР под контролем американских спецслужб. Более того, советники по приватизации при российском правительстве, а также руководитель Российского центра по приватизации при правительстве Российской Федерации Б. Гарднер являлись кадровыми сотрудниками ЦРУ, умело руководя нашей «пятой колонной». В результате такой «пиратизации» более 500 крупнейших, стратегически значимых и наиболее эффективных предприятий России реальной стоимостью не менее 200 млрд USD были проданы всего за 7,2 млрд USD (3,6 % реальной стоимости) и закономерно оказались в руках иностранных компаний или их подставных структур [15, с. 482, 483, 481]. Кстати, по данным New York Times, данная стратегия позволила западному капиталу за 30 лет, начиная с 1970 г., нарастить свою долю в наиболее эффективной собственности стран периферии более чем в 200 (!) раз [21, с. 543]. Приобретая в собственность российские предприятия, главным образом, сырьевого сектора экономики, их новоиспеченные собственники – иностранные «инвесторы» организовали массивный сбыт через оффшоры по заниженным в разы ценам продукцию этих компаний. Конечно, такие громадные потери реальных активов наряду с прямым бегством капиталов в объеме 10–20 млрд USD ежегодно не

способствовали поддержанию российской национальной валюты и экономически тесно связанных с нею стран.

Восстановлению реального курса национальной валюты сегодня активно препятствует очередной рыночный миф о том, что его повышение вредно для нас, поскольку оно якобы ведет к ослаблению конкурентоспособности экспортеров отечественной продукции на зарубежных рынках. Этот расхожий миф, авторами которого, вероятно, являются Всемирный банк, МВФ, ВТО и другие подобные структуры, бдительно охраняющие интересы исключительно стран «золотого миллиарда», активно тиражируется «пятой колонной» во всех переходных к рынку странах. Кстати, характеризуя роль вышеупомянутых структур в соблюдении интересов сильных мира сего, весьма влиятельный американский политик З. Бжезинский цинично указывает на то, что «...следует считать частью американской системы глобальную сеть специализированных организаций, особенно «международные» (кавычки З. Бжезинского! – В. Б.) финансовые институты. Международный валютный фонд и Всемирный банк, можно сказать, представляют глобальные интересы и их клиентами можно назвать весь мир. В действительности, однако, в них доминируют американцы, и в их создании прослеживаются американские инициативы (и, разумеется, интересы. – В. Б.)» [5, с. 40].

Вполне закономерно, что реальные процессы в переходных странах противоречат растиражированному рыночному мифу о необходимости поддержания слабой национальной валюты в целях обеспечения конкурентоспособности их национальных экономик. Разумеется, эти процессы находятся в полном соответствии с интересами Запада. Действительно, в условиях несравненно более низкой заработной платы населения переходных к рынку стран и его столь же низкого платежеспособного спроса, стоимость входящего в состав конечной продукции сырья, цена на которое в условиях глобального либерализма уже давно стала мировой, превосходит ту цену, по которой эту продукцию возможно продать внутри страны. В итоге отечественный товаропроизводитель становится нерентабельным, банкротится, а потреблявшееся ранее им сырье масштабно сбывается на Запад. В частности, низкий платежеспособный спрос населения, например, на металлическую кастрюлю обеспечивает столь же низкую (по сравнению с мировой) цену последней на внутреннем рынке. Поскольку рядовой домохозяйке не нужен металл как таковой, то в условиях активно навязываемой Вашингтонским консенсусом открытости экономики спрос на него определяется не ею, а богатыми западными ТНК, и потому внутренняя цена на сырье растет и очень быстро приближается к мировой. В итоге стоимость входящего в состав кастрюли одного только металла превышает цену, по которой ее могут купить отечественные потребители. Производство кастрюли в переходной к рынку стране делается нерентабельным, оно закрывается, а сам металл благополучно экспортируется на Запад. Следовательно, заниженный «пятой колонной» по заданию своих западных хозяев курс национальной валюты уничтожает отечественное производство, ведет к деиндустриализации и примитивизации экономики, надежно приковывает население переходной страны к «сырьевой тачке» в полном соответствии со стратегическими целями Запада.

Иными словами, в стратегических отраслях большинства национальных экономик стран СНГ (прежде всего, в сырьевом и банковском секторах) в полном соответствии с рыночными мифами о чудотворной силе приватизации и иностранных инвестиций возобладал компрадорский капитал, цель которого – обеспечить дальнейшее обогащение интернациональной олигархии за счет безжалостного ограбления подавленных на рыночно-капиталистическую идеологию народов. В частности, руководитель «Альфа-Групп» П. Авен, предельно четко обозначил социальную позицию нового крупного частного бизнеса, который, как это следует из заверений идеологов рыночно-капиталистических реформ, только один-то и способен возродить Россию, следующими словами: «Нищета – не наша забота. Мы занимаемся лишь тем, что нам выгодно. Всё остальное – эмоции» (программа «Постскрипtum» на ТВЦ от 20 ноября 2004 г.). И лишь отдельные страны (Беларусь, к счастью, в их числе), не поддавшись на внешне привлекательную рыночно-капиталистическую идеологию, не допустили компрадорский капитал в стратегические отрасли национальной экономики и потому, *работая на себя, а не на интернациональную олигархию*, демонстрируют устойчивое экономическое развитие, не смотря на ост-

рейший недостаток природных ресурсов, беспрецедентное давление извне и даже откровенно слабую технологическую базу времен 50–70-х годов прошлого века.

Из изложенного выше следует, что трансформационный кризис в переходных и развивающихся странах вряд ли является объективным. Скорее всего, наоборот, он является «рукотворным», поскольку даже на уровне взаимодействия предприятий и людей известно, что кризис для одних – это источник обогащения для других. Совершенно верно, уважаемый читатель, автор этой статьи относится к когорте приверженцев теории заговора против народов России, Беларуси, Украины и других переходных и развивающихся стран. При этом о существовании этого заговора открыто упоминается во всех без исключения учебниках по теории рыночной экономики, и имя этого заговора – *конкуренция*, то есть борьба субъектов рынка, в том числе за объективно ограниченные и, к сожалению, быстро расходуемые природные ресурсы. В условиях глобализации, то есть распространения рыночных принципов хозяйствования на весь мир, субъектами конкурентной борьбы за ограниченные ресурсы выступают не только обычные предприятия, ТНК и ТНБ, но и уже целые народы, страны, их блоки. Поэтому нет ничего удивительного и нерыночного в том, что одни страны, используя свои практически неограниченные финансовые возможности на фоне слабости других стран, устанавливают контроль над финансовой сферой своих конкурентов и, опираясь на ее могучие рычаги, в полном соответствии с законами рынка уничтожают или поглощают (колонизируют) их в «честной конкурентной борьбе», выкачивая мозги, сырье и финансы из подвергшихся неокolonизации экономик.

Несмотря на то, что в Беларуси «невидимой руке» рынка, бдительно охраняющей интересы крупного (значит, западного) капитала, не было дозволено вытеснить из сферы управления экономикой «зримую руку» Президента, реализующую интересы белорусского народа, в монетарной сфере страны также наблюдаются негативные тенденции. Например, известный белорусский экономист проф. С. Пелих настойчиво указывает на то, что «курс нашего рубля к доллару более чем в 3 раза ниже паритета покупательной способности, что свидетельствует о неэквивалентном обмене наших товаров и услуг и громадных потерях для экономики страны. Чиновники, ссылаясь на союзные договоренности с Россией, объясняют такой курс привязкой к российскому рублю, который тоже в 5 раз ниже паритета покупательной способности... Такая жесткая привязка валютного курса к России законсервировала наше промышленное производство, которое неуклонно теряет свои позиции на международной арене» [14, с. 125].

С другой стороны, по информации директора НИЭИ Минэкономки Республики Беларусь С. Полоника, при оптимальном значении коэффициента монетизации 60–100 %, пороговом – не менее 50 % и кризисном – не менее 30 % его реальное значение в нашей стране в 2003 г. составляло лишь 9,5 % [17, с. 60–63]. На недопустимость сложившейся ситуации в области низкого уровня монетизации экономики и вопиющего диспаритета мировых и внутренних цен, на необходимость инициирования государством серьезных научных исследований в области повышения эффективности функционирования монетарной сферы, на целесообразность создания Единого научно-теоретического центра государственного регулирования экономики, способного проводить такие исследования, постоянно указывает и проф. С. Пелих [3, с. 105; 7, с. 33–48; 8, с. 11–17; 14].

К счастью белорусов, «зримая рука» Президента, используя планово-административный ресурс, исправляет ошибки (хочется верить, незлонамеренные) наших чиновников и провалы «невидимой руки» рынка. Поэтому реальный сектор белорусской экономики несмотря ни на что получает необходимые ресурсы на простое и расширенное воспроизводство в отличие от других стран, беспрекословно реализующих догматы рыночного либерализма. Россия, например, получив в 2003 г. столь желанный статус страны с рыночной экономикой, практически наповину уничтожила свое сельское хозяйство и промышленность. Это означает, что Республика Беларусь *не благодаря рыночному механизму, а вопреки ему* в отличие от других переходных стран демонстрирует устойчивое экономическое развитие в весьма непростых условиях острого дефицита собственных природных ресурсов и беспрецедентного давления извне. Следовательно, «светила» белорусской экономической науки, по-прежнему ориентированные в своих научных изысканиях, по большому счету, на рыночный «мейнстрим» (для специалистов это очевид-

но), к сожалению, до сих пор не создали стройной экономической теории, которая отвечала бы реалиям белорусской действительности и адекватно описывала бы причины экономического роста в стране.

Кстати, в ноябре 2005 г. накануне выборов Президента Республики Беларусь Всемирный банк опубликовал доклад, посвященный настойчивому поиску «загадочных» причин экономического роста в «нерыночной» Беларуси, причем этот рост прямо был назван в документе «интеллектуальным вызовом Западу». Эксперты Всемирного банка были вынуждены констатировать: «Опыт Белоруссии явно противоречит стандартной парадигме реформ, и относительная стабильность белорусской экономики была названа даже «загадкой»... В Белоруссии девять лет подряд происходит экономический рост, обеспечено впечатляющее сокращение уровня бедности, подкрепленное быстрым ростом реальной заработной платы и пенсий, а также низким уровнем безработицы. В то же время рост идет без опоры на здоровую и последовательную макроэкономическую политику, продвинутые рыночные реформы и экспансию частного сектора» (см.: Document of the World Bank. Report No. 32346-BY. Belarus: Window of Opportunity to Enhance Competitiveness and Sustain Economic Growth. A Country Economic Memorandum for the Republic of Belarus. MAIN REPORT. November 8, 2005. P. 8–9). Очевидно, что по представлениям западных экспертов, экономическая политика, на практике обеспечивающая устойчивый экономический рост в переходных странах, никак не может быть здоровой, ибо не отвечает целям Запада по ослаблению (уничтожению) своих потенциальных конкурентов. Все это означает, что научная общественность нашей страны просто обязана помочь нашим западным «друзьям» разгадать эту «загадку века» и создать стройную экономическую теорию *социально-ориентированной плановой экономики*, которая, став основой экономического роста Беларуси, могла бы послужить теоретическим базисом формирования модели устойчивого развития стран Союзного государства, ЕврАзЭС и СНГ.

Литература

1. Алиев Р. М. Глобализация: новое явление или новый термин? // Труд и социальные отношения. – 2005. – № 2. – С. 59–62.
2. Андреев С. Ю. Набат. Не говорите потом, будто вы его не слышали! – М.: Изд-во «Пионер», 2002. – 400 с.
3. Антикризисное управление и повышение конкурентоспособности экономики Республики Беларусь: Сб статей II Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 27–28 янв. 2004 г.) / Под общ. ред. В. Ф. Байнева. – Мн.: БГУ, 2004. – 399 с.
4. Байнев В. Ф. Развитие научно-технической и инновационной сферы переходных к рынку стран в контексте глобальных вызовов современности // Новая экономика. – 2006. – № 3–4. – С. 3–25.
5. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: Международные отношения, 1999. – 300 с.
6. Волович В. Н. О сущности и стратегии российских экономических реформ // Проблемы современной экономики. – 2003. – №3/4. – С. 64–68.
7. Государственное регулирование экономики и повышение эффективности субъектов деятельности субъектов хозяйствования: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 21–22 апр. 2005 г.): Пленарные доклады. – Мн.: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2005. – 166 с.
8. Государственное регулирование экономики и повышение эффективности субъектов деятельности субъектов хозяйствования: Сб. науч. статей II Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 21–22 апр. 2006 г.): В 2 ч. Ч. I. – Мн.: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2006. – 299 с.
9. Злотников А. Г. Нобелевские лауреаты по экономике о рыночных преобразованиях // Белорусский экономический журнал. – 2003. – № 1. – С. 92–105.
10. Кассель Г. Инфляция и валютный курс. – М.: «Эльфпресс», 1995. – 345 с.
11. Кейнс Дж. М. Избранные произведения: Пер с англ. – М.: Экономика, 1993. – 543 с.
12. Келле В. Ж. Инновационная система России: формирование и развитие. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 148 с.
13. Маевский В. Макроэкономические проблемы развития России // Экономист. – 2004. – №4. – С. 3–8.
14. Пелих С. А. Деньги, кредит, банки. Новое учебное пособие // Белорусский экономический журнал. – 2004. – № 3. – С. 124–126.
15. Платонов О. А. Государственная измена. – М.: Изд-во Алгоритм, 2005. – 575 с.
16. Россия державная: В 2 ч. Ч. 2 / Под ред. Ю.М. Осипова, М.М. Гузевой, Е.С. Зотовой. – М.; Волгоград: Волгоградское книжное издательство, 2006. – С. 304.

17. Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития: Матер. V Междунар. науч. конф. (г. Минск, 21–22 окт. 2004 г.). В 5 т. Т. 1. – Мн.: НИЭИ Минэкономики Респ. Беларусь, 2004. – 519 с.
18. Сплав теории и практики // *Экономист*. – 2004. – №3. – С. 5–16.
19. *Субетто А. И.* Быть России в XXI веке или не быть? (Открытое письмо ко всем ученым-экономистам России). – СПб.: Астерион, 2005. – 28 с.
20. *Тарасов В. И.* Деньги, кредит, банки: Учеб. пособие. – Мн.: Мисанта, 2003. – 512 с.
21. Экономический рост и вектор развития современной России / Под ред. *К. А. Хубиева*. – М.: Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, ТЕИС, 2004. – 726 с.